

Глава XXXIII

Выводит на сцену Джо Слджерса. Что из этого происходит

Несмотря на окружающее его однообразие и скуку, Дик Дэтчери не выказывает ни малейшего намерения расстаться с Кафедральным Городком и, как видно, решил поселиться в нём до конца дней своих. Судя по его деятельности и частым отлучкам из дому, можно предположить, что старый холостяк нашел себе какое-либо чрезвычайное развлечение, которым он и наслаждается, не делясь¹ с другими;² как бы то ни было, но жители Клоистергэма, старые, как и молодые, начинают смотреть на него как на одного из сыновей Клоистергэма, и он пользуется всеми привилегиями и почестями старого переселенца.

Почти ежедневные его посещения к Минор-Канону, правда, привлекли на себя внимание той части праздных сплетников обоего пола, какими украшается без малейшего исключения всякий маленький городок; Клоистергэм же более прочих братий страдал этой ядовитой эпидемией, для которой Токсикология не успела еще прибрать названия, но, употребив все старания свои, чтобы найти что-либо подозрительное в этих частых визитах, они принуждены были, наконец, выпустить Дэтчери целого и невредимого и впитаться голодным жалом в другую жертву.

Без всякой видимой причины, как и в первом случае, Мистер Дэтчери также часто заглядывает в Крозгёрскую Гостиницу и запирается там в одном из номеров, оставаясь по часу и более ежедневно; но самым необычайным обстоятельством во всеобщем мнении³ служит следующий факт: были найдены неопровержимые доказательства о существовании горячей дружбы, таинственно возникшей, между холостяком и двумя другими лицами. Одним из этих лиц был Мистер Дёрдльс, дружба которого во всю его долгую жизнь не простиралась ни на кого, кроме верных ему «Костлявых»; другое лицо, совершенно уж поставившее в тупик бедных жителей неправдоподобностью подобного факта, было Депутатом. И несмотря на всё это, непреложная истина факта заявлялась сама собою. Часто видывали Дэтчери, сидящего по вечерам в недрах городской стены в жилище Мистера Дёрдльса, дружелюбно разговаривающего с последним при свете сального огарка и окруженного печальными неоконченными памятниками будущих кандидатов на эти последние жилища. Болтливая тень рисовала при этом перед изумленными глазами очевидцев фантастические очерки другой фигуры, и в безумной пляске этой тени на закоптелых стенах комнаты зрители узнавали много знаменитого в Клоистергэмской Летописи – Депутата. Было вообще замечено, с приличными случаю комментариями, что сей юный джентльмен, который мог бы с честью выполнять роль палача в Библейские времена, а в настоящее время принял на себя, за неимением лучшего, обязанность страстного дилетанта в побивании камнями всех и каждого, никогда не выбирал своей целью седовласого переселенца, но обходил его с необычайными в сем молодом гладиаторе предосторожностями.

Случилось так, что в одно прекрасное утро, вскоре после последнего посещения Джаспера в подземелье, вышла из Крозгёрской Гостиницы новая и незнакомая городу личность. То был молодой человек лет тридцати с чрезвычайно странной наружностью. Лицо его было до такой степени смугло, что можно было легко предположить, что он не уроженец Англии. Чёрные как смоль курчавые волосы низко падали на лоб, а на правом глазе красовалась чёрная повязка, совершенно закрывавшая ему сей орган зрения и придававшая ему вследствие этого как бы неловкую боязливую походку. Человек этот одет в грубое⁴, но довольно чистое платье, что и заставляет предполагать в нём рабочего в изрядных обстоятельствах: он, по-видимому, совершенно чужой в Клоистергэме и долго колеблется, в какую сторону он должен идти. Маленький узел, тщательно завязанный в красный бумажный платок, висит на палке, которую он перевесил через плечо. Старая фуражка низко нахлобучена на большие глаза, неловко сидит на голове и он снимает её по дороге несколько раз, обтираясь платком, но тотчас же снова надевает,

¹ Далее зачеркнуто: *с н.*

² Далее зачеркнуто: *но.*

³ Далее зачеркнуто: *был.*

⁴ Далее зачеркнуто: *платье.*

как будто опасаясь сильного ветра, дующего с реки. Он медленно направляется к Собору, с любопытством осматриваясь во все стороны. И если бы требовалось последнее сильное доказательство тому, что он новоприезжий в городе, то оно явилось бы в виде протяжных свистов, выражающих изумление и подкрепляемых визгливыми криками восторга со стороны группы мальчишек в более или менее оборванных одеяниях, которые приветствуют по-своему странника с тем природным инстинктом в них, который безошибочно позволяет им признать с первого взгляда чужестранца.

Но путешественник не обращает на них вниманья и продолжает свой путь. Достигнув до Дома у Калитки, он останавливается и озирается, видимо, ожидая какую-нибудь добрую душу, которая указала бы ему на то, что он ищет.

Но так как переулочек пуст в эту минуту, то он и садится в ожидании первого прохожего на камень, лежащий возле Калитки; и, вероятно, почувствовав голод,⁵ вынимает из-за пазухи кусок хлеба с сыром и принимается завтракать с большим аппетитом.

В это самое утро достойнейший Кафедральный Пономарь Мистер Топ, окончив возложенную на него обязанность запираеть двери после всякой отошедшей службы, исполняет это с обычной своей аккуратностью и направляется домой к супружеской трапезе, погруженный в глубокие медитации касательно тяжёлой ответственности, принятой им вместе с почётным званием Пономаря.

Кроме этого, ум Мистера Топа нашелся вынужденным к необычайному для него процессу размышления за всё это последнее время, и Мистер Топ положительно сознает в себе присутствие какой-то проблемы – «смутного чего-то», выражаясь его собственными словами, – как бы тумана, нависшего на Топскую обитель или, скорее, на весь «Дом у Калитки» с самого того дня, как поселился в нём Мистер Дэтчери. Вследствие этого Пономарь посвящает все свои свободные от служебных обязанностей минуты на старания проникнуть в этот туман и окончательно дать себе в нём отчёт.

С поникшей головой и заложенными за спину руками проходит Пономарь возле незнакомца и, по всей вероятности, не заметил бы его, если бы не услышал неожиданного:

«Доброго вам утра, сэр».

Немудрено, если внезапно отторгнутый от глубокой задумчивости Топ вздрагивает и глядит на этого пришлеца с черной повязкой на черном лице с некоторым смутным ощущением страха как на новый предмет, являющийся ему с целью еще более запутать все его теории. Незнакомец, привстав с места, идет к нему, глупо улыбаясь, и в этой улыбке Топ, подозревая нечто дьявольское, шепчет помимо воли своей:

«Избави нас, Господи, и огради от Лукавого и сетей его».

Незнакомец, приметив внушаемый им страх, снова широко оскаливается и говорит Топу:

«Не пугайтесь, Господин, и не дёргайте так ногами. Я ведь не трону вас. А вот я ищу здесь по соседству дядю моего, который намерен писать мне в письме, чтобы непременно приехать к нему в гости, так как одному ему, видно, скучно. А так как я здесь чужой, то и не знаю, кого бы порас[с]просить об нём. Может, вы».

И он вынимает из сильно грязного кармана столь же сильно грязное письмо. С великим трудом различает Топ под этой непроницаемой корой грязи чьё-то знакомое имя и прочитывает, наконец, имя «Дика Дэтчери».

Сердце Мистера Топа болезненно начинает биться в груди при открытии этого нового подкрепления к терзающей его тайне, и, не отвечая ни слова, он ведёт незнакомца прямо в комнату Мистера Дэтчери. Последний бросается к входящему с шумными изъявлениями радости и представляет его Пономарю как своего любезного племянника Джо Слджерса, сына единственной сестры.

«Весьма, весьма рад снова видеть тебя, племянник, – восклицает Дэтчери. – Давно не видал я тебя, а всё-таки всюду бы узнал сейчас же! Надо сказать вам, Мистер Топ, что этот молодец – живое изображение, фотография моей милой сестры, а его матери, сэр, – те же манеры, те же

⁵ Далее зачеркнуто: *он*.

волосы, тот же превосходный цвет лица! Если вы когда встретите его мать, Мистер Топ, то тотчас же узнаете по сходству ее с ним».

Пономарь одобрительно кивает, невольно думая при этом, что если у сестры Дэтчери или у другой какой женщины да был бы такой цвет лица, то следовало бы всякому добросовестно посоветовать ей не очень им хвастаться.

«Ну, Джо, – продолжает Дэтчери, – а как поживают там наши все – дома, в деревне? Все живы и здоровы? Но ты, может быть, голоден с дороги? Когда ты приехал?»

«Вчера поздно вечером и переночевал в гостинице, так как было поздно искать вас», – отвечает, странно шепелявя, племянник.

«Мистер Топ, прикажите-ка подать нам что-либо закусить, до обеда еще далеко», – замечает холостяк, суетясь возле племянника.

Мистер Топ вспоминает при этом о собственном забытом завтраке и уходит, расслышав, впрочем, как нежно осведомляется дядя у племянника о его больных глазах и что-то о выколоте глаза, но холостяк призывает его тотчас же назад, прося предупредить Мистрисс Топ о том, что ей надо будет впредь готовить обед на двух.

Мистер Топ снова уходит и снова принуждён вернуться на зов Дэтчери, который просит его сходить к Мистеру Джасперу наверх и извиниться перед ним за него в том, что по случаю приезда племянника он не может сопутствовать ему в этот вечер в прогулке их по реке.

После ухода Мистера Топа дядя и племянник долго смотрят друг на друга и вдруг раздражаются громадным хохотом. Долго хохочут они, но Дэтчери оправляется первый и говорит шепотом:

«Очень счастливо, что вы встретили именно его первого. Не пройдёт получаса, как весь город узнает, что к Дэтчери приехал его племянник. Но – тише, вот идёт Мистрисс Топ с завтраком».

Оставив их подкреплять силы свои завтраком, взойдём наверх и посмотрим, что делает Музыкальный Учитель в это время.

Джаспер сидит, по обыкновению, один. Хотя Джаспер сделался еще бледнее, а постоянная нервная дрожь в руках усилилась еще более, но Джаспер веселее прежнего и поспешно укладывает маленький чемодан.

Оставив Дэтчери и позавтракав сам, Пономарь отправляется наверх исполнить возложенное на него старым холостяком поручение.

Джон Джаспер не делает никакого замечанья насчет прогулки, но равнодушно обращается к Топу с вопросом:

«Что ж, Топ, большое ли семейное сходство между дядей и племянником?»

«Могло бы быть посовершеннее», – ворчит Топ.

«Как так, совершеннее?»

«Цвет лица, – отвечает Топ лаконически. – Слишком похож на цыгана. Да зато такой же чудной, как и дядя. Вот в этом-то так большое сходство».

«Может быть, Мистер Топ, вы не судья в красоте, – произносит Джаспер с таким видом, будто мысли его заняты совершенно другим, и тотчас добавляет. – Кстати, постарайтесь, Топ, обойтись без меня эти дня два; я еду в Лондон».

«Часто же вы ездите туда, сэр», – замечает Пономарь; и так как Джаспер не отвечает, занятый приготовлениями, то почтенный Топ, постояв еще немного, уходит к себе.

Тот же грязный задний двор, как и в первой главе, та же дрожащая лестница скрипит и стонет под поспешной поступью высокого мужчины, который, достигнув двери, не дает себе труда постучать, но, бесцеремонно отворив её, входит в знакомую грязную каморку.

«Где комиссар для почётной встречи гостей?» – произносит мужчина, входя.

Из-за полуразвалившейся железной кровати раздаётся шорох и за ним хриплый кашель и, медленно подымаясь с низкой скамеечки, встает Принцесса Курилка. Взяв маленькую, полную

копоти ручную лампу, она подходит к мужчине и, подняв огонь к лицу его, пристально рассматривает, как бы не узнавая.

«Я что-то не припомню вас, ягнёночек, – замечает она, – но всё же добро пожаловать – войдите. Покурить пришли, миленький?» – продолжает Принцесса, покашливая.

«Так вы и не узнаете меня даже?» – осведомляется Джаспер, сомнительно рассматривая её.

Хриплый, порывистый кашель овладевает старухой и душит, пока глаза ее наполняются слезами, а веки делаются еще краснее.

«Никогда и не видала вас, мой добрый джентльмен, в жизнь свою не видала, – бормочет она, с трудом переводя дыхание. – Я, может, что и впрямь забываю. Оно и немудрено, как подумаешь, что такой-то уж я старой делаюсь, такой старой, что насилу могу припомнить саму себя подчас; да и лёгкие мои всё делаются хуже да хуже».

«А других посетителей вы также забываете?» – осведомляется Джаспер, продолжая поглядывать на неё всё еще так же недоверчиво.

«Мало я и вижу кого из посетителей теперь», – невинно отвечает Принцесса, борясь с новым припадком кашля, который был принят Джаспером за последний в ее жизни, так оказался он силен.

«Ох, ох, родименькие! – вопит старуха. – Легкие мои убьют меня, право, убьют!»

Но она возвращается, наконец, к жизни, и Джаспер, сняв сюртук, садится на железную кровать, как на какое необходимое орудие для приготовляющихся таинственных чар. Старуха неслышно крадётся по комнате туда и назад, собирая все принадлежности околдованного зелья и представляя собою в полумраке закопчённой лампы какое-то олицетворение баснословной ведьмы. Она чувствует на себе пытливый взгляд Регента, но ни словом, ни делом не выказывает сознания в нём.

Она подстригает теперь лампу, обернувшись спиною к Джасперу, и на морщинистом лице ее выражается такая адская насмешка, что, глядя на неё, можно подумать, что вместо лампы ей представляется, будто она отрезает тупыми ножницами голову невидимого лютого врага.

Затем она ставит лампу таким образом, что свет ее, ярко освещая Джаспера, оставляет её саму в тени, и спрашивает:

«А как давно мешала я опиумец для вас, миленький?»

«Давно уже. Так давно, что я и позабыл когда».

«А разве вам такой далекий путь отсель, что вы совсем отпали от меня?» – так же невинно переспрашивает старуха, с упрёком качая головой.

«Да, далекий, – нетерпеливо отвечает он. – Да ну же, скорее, нечего там стоять да болтать всю ночь! Приготовляйтесь да поменьше говорите».

«Не сердчайте, миленький, не сердчайте, – произносит она ласково. – Знаю я, что вас нетерпенье берет начать скорей. Они все таковыми делаются, как раз попробуют моего смешеньца. Да и не мудрено, так как уж давно известно всем, что никто не может так мешать, как я. Даже вон тот Китаец напротив, чего уж природный сам Опиумец, да и он всё бегаёт за мною да старается разузнать мой секрет; да никому не удастся у нас выведать его – не правда ли, а, золотой?»

В продолжение этого самовосхваления старуха сидит на корточках и раздувает огонь положенного ею уголька на трубку. Так как операция была почти готова, то Джаспер скидывает сапоги и растягивается на постели, нетерпеливо ожидая приготовленного наслаждения.

Она придвигает неторопливо скамейку к постели и, прикладывая конец гибкого чубука к Джасперовским губам, начинает раздувать с такою силою, что лицо её темнеет от прилива крови.

«Это самый наилучший из моих порошков, красавчик, и я нарочито приберегаю его для моих лучших благоприятелей, зная, что уж они сумеют отблагодарить старуху за это», – приговаривает она.

Между тем Джаспер впивает в себя с наслаждением дым трубки, но действие оно заставляя себя ждать. Он слегка морщится, продолжая затягиваться, и вдруг отымает чубук от рта, приподымается и упрекает её в том, что она надувает его и что опиум не действует.

«Клянусь честью своей, дорогой джентльмен, – восклицает Принцесса, – что это лучший мой товар. Попробуйте еще, миленький, а я помешаю еще».

И она снова мешает длинной иглой, а Джаспер, принимая прежнее положение, опять начинает курить. Она наклоняется над трубкой и, делая вид, что продолжает дуть на угли, стережёт его тихонько, по-кошачьи, но он не замечает этого; опиум начинает действовать. Даже и теперь он всё еще льнёт губами к чубуку, как бы боясь потерять малейшее действие⁶ опьянения, которое хотя медленно, но верно овладевает им,⁷ помрачая мозг. Еще одна минута – и чубук выпадает у него из руки, а он опрокидывается на спину. Но старуха недовольна еще; взяв чубук, она подносит его снова к его губам и держит таким образом, пока уголь потухает и чубук не дышит более. Лампа освещает его спазмодическое⁸ лицо и полузакрытые тусклые глаза, а она, нагнувшись над ним, еле дышит, боясь проронить первое слово – звук этих губ, конвульсивно поддёргивающихся от усилий заговорить. Недолго ждёт она, губы раскрываются и он, тяжело ворочая прилипающим к гортани языком, неясно бормочет. Она прикладывает ухо к его губам, но не может уловить ничего, кроме неопределенных звуков, и тогда, тихо охватив его обеими руками, она начинает ворочать его со стороны на сторону, как бы укачивая; минут через пять усилия ее вознаграждены, и она ясно слышит следующие слова:

«Странная, страшная дорога – неужели никогда не достигну я до конца... ее?»

«Вы не один, голубчик, много и других идут с вами по той же дороге, а, миленький?» – лукаво подсказывает она

«Да, тысячи, и тысячи тысяч, и миллионы миллионов!»

«А вы многих знаете из них? Не всех, конечно, а только некоторых? А, красавчик?»

«Конечно, не всех – дура! Но вон – там, на другой стороне, – стоят такие, что я где-то видал прежде, но не помню где. Зачем они не отходят от меня и следят за мной, когда все прочие бегут?»

Он вскакивает и, сидя на постели, облокачивается на локоть; но Принцесса поспешно берет другой уголь и, подсыпав на трубку, снова прикладывает чубук к его губам. Машинально втягивает он дым и снова падает навзничь, а она начинает спрашивать:

«Нешто они не пускают вас, миленький, уйдти от них – подальше?»

«Я и так ушел, – произносят с угрюмой насмешкой губы, – но как это странно – я ухожу от них и не вижу их, а глаза их чувствую?»

«Может быть, миленький, вы кого другого принимаете за них?»

«Разве ты думаешь, что я так мало знаю *Его* и *Её*, чтобы не узнать их всюду?»

«Разве попробовать прогнать их, ягнёночек?»

«Я и сам справлюсь – один», – хрипло шепчут губы.

Является непродолжительная пауза, и пот падает крупными каплями с лица, которое принимает землистый оттенок... Еще раз вскакивает Джаспер, восклицая яростно:

«Он исчез, я избавил себя от него, но я – предупреждал *его*! Разве – я не предупреждал его?» – продолжает он, схватывая её с диким криком за обе руки и ломая их.

Старуха даже не морщится под натиском впивающихся ей в тело ногтей и подстрекает его новым вопросом:

«Конечно, миленький, что вы остерегали его. Я сама слышала ясно как Божий день, как вы предостерегали того – да – Нэда...»

И, сдерживая дыханье, она впивается в него глазами.

«Нэда – Нэд пропал – он не станет более на моей дороге, но как быстро – скоро пропал он, а – она – она».

«Ну, а где же она-то, миленький?.. А?»

«Чу! Вот она – она осталась, нет, она не исчезла с ним, она здесь – тише – тише, она не ждёт меня, не видит – тише. *Вот* – она моя, наконец, она – в руках моих, но тот – тот – зачем я – он не мешал бы мне. О, горе! Горе – и глупость!»

И, дрожа с головы до ног, он начинает кататься по постели; в диком бешенстве затем испускает несколько страшных криков и, упав снова навзничь, засыпает мёртвым сном.

⁶ Далее зачеркнуто: *этого*.

⁷ Далее зачеркнуто: *и*.

⁸ спазматическое (*англ.* spasmodic).

Что-то завернутое в бумажку выпадает у него из жилетного кармана во время пароксизма и мгновенно привлекает к себе зоркие глаза старухи. С быстротою дикой кошки набрасывается она на это *что-то* и, захватив добычу одной рукой, сжимает её в кулаке, а другой, свободной рукой, прикладывает сызнава чубук к почти бесчувственным губам в виде лишней роскошной предосторожности.

Но Джаспер лежит как колода и почти не дышит. Уверясь в его беспомощности, старуха бросается к лампе и, открыв бумажку, находит в ней золотой медальон на голубой ленте и бриллиантовое кольцо. Быстро прячет она эти вещи в кучу сора у камина и садится на прежнее место у кровати.

Часа два не просыпается Джаспер под влиянием этого тройного приема. Но, наконец, в нём начинают появляться легкие признаки пробуждения, и он как будто выходит из своей летаргии, раскрывая тусклые, отуманенные опьянением глаза, но снова засыпает.

«Ох, дорогой мой, – восклицает Принцесса, – надеюсь, что теперь уж вы не станете заподозривать более бедную старуху в обмане? Крепко же вы выспались, миленький, так крепко, что я думала уж, что никогда не проснётесь более...»

Она не оставляет его более, а сидит неподвижно на своей скамеечке, следя за ним по-прежнему в надежде, что он снова заговорит. Но Джаспер крепко спит; старуха пользуется случаем и временами с наслаждением грозит ему кулаком, поднося его прямо к лицу спящего и бормоча себе под нос далёко не лестные для него замечания.

«А ты думал, миленький, – шепчет она, – что я и в самом деле забыла тебя сдуру да со старости. Ах, ты мой лукавый мешочек с хитростями! Как бы не так! Так я тебя и позабуду. Скоро, скоро ты узнаешь, хороша ли у меня память, аль пришибло её от старости, – не станешь плясать ты в тот денёк! Нет, не станешь».

Заметив в нём признаки настоящего на этот раз пробуждения, Принцесса отбрасывается назад и, положив голову на постель в ногах его, притворяется спящей.

Джаспер испуганно вскакивает и, протирая глаза, старается собраться с мыслями.

Озираясь кругом тупо и вяло спросонку, он замечает старуху, сладко спящую. Он заговаривает с ней, но она не слышит. Тогда, тихо встав с постели, как бы боясь разбудить её, он одевается⁹ поспешно, приготавливаясь уходить;¹⁰ взяв шляпу, он кладёт на видном месте на стол деньги – и исчезает на лестнице.

Принцесса прислушивается, пока не слышит стука затворяющейся входной двери; вскочив с удивительной для ее лет быстротою, она хватается платок и, закутываясь в него, бежит вслед за ним, боясь потерять его в темноте. Городские часы медленно бьют полночь, когда старуха настигает его почти уж за углом улицы. Осторожно держась в тени строений, она следит по его пятам через улицы, скверы и тёмные закоулки. Дойдя до первой площади, он зовёт наёмный кэб и, сказав несколько слов извозчику¹¹, садится и уезжает.

Но Принцессе трудно надуть в исполнении раз задуманного плана. Не медля ни секунды, она призывает другой кэб и, садясь в него, объясняет его владельцу, чего она желает.

Многочисленность горьких уроков, полученных на самоличном опыте, заставляет этого джентльмена широко оскалиться, взглянув на её нищенскую фигуру, – и порождает в нём естественно следующий вопрос:

«А кто заплатит мне за эту роскошную прогулку, моя червонная краля?»

Принцесса поспешно вынимает пригоршню серебра и торопит его, боясь упустить из виду далеко уезжающий кэб; отдав ему втрое, чем следует, она обещает еще столько же, если тот догонит собрата. Слова ее и деньги оказывают магическое действие, присвистнув и лукаво подмигнув ей, кэбмен мигом садится на козлы и догоняет увозящий Джаспера экипаж, держась на приличном расстоянии. Через несколько минут кэб останавливается, и Принцесса вылезает из него по приглашению кучера, который безмолвно указывает ей кнутом на другой, стоящий перед ними кэб, из которого вышел Джаспер и, стоя под фонарём, расплачивался с извозчиком.

⁹ Далее зачеркнуто: *и*.

¹⁰ Далее зачеркнуто: *и*.

¹¹ извозчику (*устар.*).

Они находятся теперь на одной из самых многолюдных и оживленных днём и ночью улиц Лондона, и это обстоятельство сильно помогает старухе следить за своей жертвой незамеченной ею. Джаспер быстро направляется по Стрэнду¹² и, повернув направо, выходит на набережную, после чего, пройдя еще несколько улиц, он останавливается в узком и тёмном проходном корте¹³, куда следует за ним безмолвная тень, останавливающаяся вместе с ним. Этот корт, один из самых пустых и грязных Лондона даже днём, казался теперь еще пустынее, если не грязнее. Глубокой древности дома окружали его четыре стороны, и так меланхолически смотрели они, опираясь полуразрушенными стенами друг на друга, что, казалось, будто они ежеминутно замыслили совершить самоубийство, неожиданно обрушившись на проходящих, чтобы тем положить конец своему горестному существованию.

Один из этих домов отличался от сверстников своих более здоровыми и невредимыми стенами и неуклюжей, выкрашенной в зеленую краску дверью, среди которой можно было видеть днём грязную медную доску с зелёными же пятнами, точно будто бы она только что очнулась от холерического припадка; на доске стояло крупными буквами имя: Сландес¹⁴.

Перед этой-то дверью остановился Джаспер и тихо постучал молотком раза три, терпеливо ожидая, чтобы его впустили.

Курилка прокралась еще ближе к Музыкальному Учителю под верным покровительством непроницаемой окружающей их тьмы с твёрдым намереньем пробраться за ним в самый дом, если только будет возможно.

Через минуту слышались шаги и отодвиганье железных запоров. Принцесса заметила тотчас же, что дверь не запиралась на ключ, так как она чутко прислушивалась и слышала бы звук повернутого ключа. Джаспер, обменявшись несколькими словами с особой, отворившей ему, осторожно вошел, но почему-то остановился ожидать в коридоре у полуотпертой двери. Оказалось, по нескольким расслышанным старухой словам, что то была служанка, которая ходила осведомляться у хозяйки, может ли она принять посетителя в такой поздний час ночи.

К счастью старухи, последняя оказалась самой хозяйкой, уводя гостя наверх; Курилка слышала, как она приказала кому-то запереть дверь; но служанка вследствие собственных комбинаций заблагорассудила отправиться сперва вниз, на кухню, и дверь оставалась отпертой в продолжение нескольких минут. Принцесса воспользовалась немедля этим, посланным самой судьбою случаем и, прокравшись в коридор, начала осторожно пробираться по лестнице на первый этаж. Очутившись на площадке, она заметила струю света, выходящую из неплотно притворенной двери, и, услышав два голоса, один из коих нетрудно было ей узнать, прижалась к двери и, притаив дыхание, стала слушать.

«Я получил вашу записку, Мистрисс Сландес, и тотчас же поспешил ответить – вашему – мужу, – проговорил он с запинкой, – послав ему самые подробные распоряжения насчет этой, так ловко похищенной им молодой девушки. Я считаю лишним видеться с нею, пока она не примирится с мыслию принять меня и не согласится сделаться моей женою».

«Да, – отвечал томный голос, – вся эта штука великолепно удалась, Мистер Джаспер, и я заранее была уверена в успехе, зная хорошо, что раз как мой Эдгард¹⁵ возьмётся за что, то непременно выполнит с полным успехом. Одного я боюсь, чтобы эта глупая девочка не наделала нам беды; нервная система ее до такой степени потрясена, что я питаю самые меланхолические опасения за неё. Вы знаете, как я чувствительна и как малейшая безделица действует на мои собственные нервы. А она, отказываясь от всякой пищи, только и делает, что стонет да плачет, призывая какого-то Грейджиуса да прося Небо соединить её скорее с её бедным – бедным – да, вспомнила, с её бедным Эдди, кажется...»

«Я не просил вас сообщать мне этих подробностей, – грубо восклицает Джаспер, – поберегите ваши замечания для более точного рассказа об интересующем меня более всего похищении, и тогда я услышу от вас всё то, что желал бы слышать или знать».

¹² Стрэнд (*англ.* Strand) – центральная улица Лондона, которая соединяет районы Вестминстер (центр политической жизни) и Сити (центр деловой активности).

¹³ дворе (*англ.* court).

¹⁴ *Англ.* Slanduce.

¹⁵ *Англ.* Edgar.

Если бы томная Мистрисс Сландес могла ответить ему обо всем том, что могло показаться ему интересным, и заявить, между прочим, и о том факте, что в эту самую минуту стояла за дверями некая знакомая ему старуха, яростно потрясающая сжатые кулаки по направлению голов, то, быть может, подобное известие и было бы принято им повежливее, нежели намёк о племяннике; но Мистрисс Сландес, находясь сама в полном неведении относительно этого обстоятельства, не сообщила ему оно.

Но Мистрисс Сландес, по-видимому, перенесла вышеупомянутую дерзость чрезвычайно хладнокровно, так как томный голос ее снова послышался в свою очередь, и она ответила ему, что если он хочет узнать подробности похищения, то ему остается лишь успокоиться и предоставить ей время рассказать ему обо всём, чего она никак не может выполнить, пока он станет «бесноваться».

Этот дружеский совет принимается, и хозяйка начинает свое повествование тем же томным голосом:

«Вы должны знать, во-первых, что когда мой Эдгард достаточно получил сведений об образе жизни этих двух особ в Соутэмтонской¹⁶ Улице, то он тотчас же понял, что единственный случай для него касательно верного похищения может представиться ему только по утрам и в те часы, когда улица эта почти пуста, а для опекуна слишком еще рано являться. Он делал уже несколько попыток и прежде, но они не удавались, так как ваша птичка никогда не выпархивала одна. Только что он проезжал в то утро по обыкновению своему перед домом, выискивая, не представится ли ему более счастливый случай, как вдруг он заметил её, выходящую одну из дому и идущую по направлению к Стэпл-Инну. План его был тотчас же составлен и, приказав кучеру отъехать немного назад и ожидать его на том же месте, он вышел из кареты и догнал девушку. На вопрос его, не она ли Мисс Бёд, она отвечала утвердительно. Тогда, приняв таинственный вид, он объявил ей, что недалеко отсюда ожидал её в карете один молодой джентльмен, который желал бы сказать ей слова два наедине, так как он имел причины не показываться и к тому же был так еще слаб после болезни, что ему физически было невозможно выйти без посторонней помощи из экипажа. Она казалась чрезвычайно заинтересованной и, краснея, спросила об имени этого молодого джентльмена. Но Эдгард ответил ей, что он не имеет права открывать имени своего друга, но что если она согласится последовать за ним на несколько шагов, то сама узнает и, вероятно, обрадуется. Это он сказал наугад. Она очень покраснела, потом побледнела и, проговорив про себя: “Может быть, Эдди”, поспешила за моим Эдгардом к карете. Как только отворились дверцы, Эдгард схватил её и запер, карета помчалась и привезла её в сохранности к нам через несколько минут. Она упала в обморок с первой минуты и очнулась только здесь, наверху, где и продолжает с того самого времени плакать и призывать смерть».

«Надеюсь, что вы держите её взаперти и что окна забиты в случае какого-либо покушения с ее стороны?» – спрашивает Джаспер с тревогою в голосе.

«О, конечно; не лучше ли вам самому пойдти взглянуть на всё?»

Джаспер отвечает, что он предпочитает пока остаться невидимым для нее, но просит Мистрисс Сландес пойти взглянуть на Розу и принести ему ответ.

Слыша шаги выходящей хозяйки, Принцесса отбрасывается к стене с быстротой молнии и приносит внутреннюю клятву, что если Мистрисс Сландес откроет её присутствие, то она тут же задушит её на месте. Но подобная крайность оказывается бесполезной, и мрачная тень виселицы благополучно пролетает мимо старухи, так как хозяйка, поспешно выйдя из комнаты, прямо проходит на лестницу, ведущую наверх, не заметив её и счастливо избежав, в свою очередь, такой позорной смерти в восточном вкусе. Принцесса слышит, как она всходит на верхний этаж и, убедившись в том, что она уже вошла в комнату Розы по щелканью замка и стуку отворяющейся и запирающейся двери, спешит последовать за нею и, подкравшись к самому углу двери, прижимается к стене в темноте, ожидая возвращения хозяйки вниз, чтобы немедленно привести в исполнение задуманный ею план.

Недолго ей приходится ожидать; через несколько минут дверь снова отворяется и из неё выходит хозяйка. Старуха слышит, как она повёртывает в замке ключ, но ей кажется, будто она не

¹⁶ Англ. Southampton.

вынимает его из замка; и с бьющимся сердцем ждёт Принцесса, пока шаги ее замирают в отдалении.

Так ждёт она безмолвно и неподвижно, прижимаясь в своём углу, и глаза ее сверкают в темноте, как глаза дикого зверя. Наконец, она слышит в ночной тишине, как Джаспер прощается с хозяйкой, как скрипит под его ногами каждая ступень лестницы; слышится ей, как отодвигаются болты и засовы дверей и как дверь затворяется за ним с глухим шумом.

Но всё-таки Принцесса сидит неподвижно, боясь перевести дыхание и пугаясь биения собственного сердца. Мало-помалу в доме всё утихает, не слышно более шагов и наступает полное непрерывное безмолвие.

Тогда тихо привстает старуха, неслышными шагами идёт она к двери и, так же неслышно повернув ключ в замке, входит в тёмную комнату.

Осторожно подвигается она на цыпочках по комнате, широко расставив перед собою руки и стараясь различить предметы в темноте. Но это невозможно и она шепотом произносит:

«Есть тут кто, что нуждается в помощи?»

«Кто там?» – восклицает испуганно нежный и слабый, очень слабый голосок.

«Тише, тише, моя ласточка; не дай Бог услышит кто, так и мне беда и вам помощи не быть. Я хочу вас освободить¹⁷ ... помочь вам, красоточка моя бедная... Можете ли вы видеть меня?»

«Нет; но мне кажется, я узнаю ваш голос... О, если бы вы только могли помочь мне, спасти меня... – шепчет отчаянный голосок. – Вас щедро наградят за то, кто бы вы ни были!»

«Ну, о награде я не очень беспокоюсь, Мисс; будет с меня и той награды, что помучу я злых людей. Можете ли вы свободно ходить, моя миленькая?.. Не ослабли ли вы крепко?»

«Могу, могу, – отвечает радостный голосок. – О, скорее только, скорее иль я не переживу здесь другого дня!»

Беденькая Роза совершенно предается в руки старухи. Действуя по ее совету, они обе снимают башмаки и так же тихо крадутся по лестнице вниз, вздрагивая при малейшем шорохе. Роза оставляет за собой шляпку и шаль, так как их невозможно было найти в темноте, и решается на всё; но достигнув благополучно до нижней площадки, силы покидают несчастную девушку, которая ничего не ела с предшествующего дня, и Роза падает без чувств. Храбрая Принцесса и тут не останавливается за такой безделицей; взяв её на руки, эта, по-видимому, слабая, тщедушная старуха доносит её до двери и, осторожно положив на пол, поддерживает её одной рукою, пока она шарит другой в темноте и не попадает на засов, который отодвигается также благополучно. Тогда, разом отворив дверь, она хватает снова Розу на руки и убегает с ней на улицу, далеко оставляя за собой корт. Но, добежав до набережной, Принцесса чувствует, в свою очередь, что ей невозможно идти так далее. К счастью, Роза, которую она посадила на первые попавшиеся ступени, начинает приходить в себя на чистом воздухе и объявляет, что может теперь идти далее.

В первый раз во всё это время Принцесса задаёт себе вопрос, куда ей вести Розу? Если бы девушка была посильнее, то они легко могли бы достичь до одной из главных улиц, на которых всегда можно во всякое время ночи найти кэб. Но в этой глухой части города не слышно даже и в отдалении стука колес. По причинам, известным ей лучше самой, Принцесса не желала заводить новых знакомств с храбрыми и неусыпными ночными полисменами. Да на этот раз и не видать было ни одного из «неусыпных». И так старуха сидит в нерешительности, когда Роза объявляет ей, что им лучше всего идти прямо к «милому, доброму Мистеру Грейджиусу».

И так, они обе встают и отправляются далее, старуха храбро решившись защищать «ласточку» до последней крайности.

¹⁷ освободить (*прост.*).